

Новый национализм и борьба за доминирование в глобальном цифровом культурном пространстве

И. А. Цветков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Цветков И. А.* Новый национализм и борьба за доминирование в глобальном цифровом культурном пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 478–487.
<https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.404>

Статья посвящена рассмотрению одного из парадоксов современной системы международных отношений — стремления многих стран к укреплению своего политического и экономического суверенитета в сочетании с бурным развитием цифровых технологий и формированием все более гомогенного глобального культурного пространства. Феномен нового национализма возник в связи с очевидным кризисом глобализации «по-американски» — политического и экономического проекта, направленного на сохранение и упрочение доминирования США в системе международных отношений. Вместе с тем по ряду параметров этот новый национализм коренным образом отличается от классических моделей XIX–XX вв. В частности, хорошо заметна его слабая связь с идеями национального культурного возрождения и сферой культуры как таковой. Цифровая революция, которую сегодня переживает человечество, создает благоприятные условия для «перезапуска» глобализации. Локомотивом интеграционных процессов в новых условиях все чаще выступает массовая культура в виде новых технологий потребления и повседневных практик. Постепенно формируется глобальная цифровая цивилизация. Борьба за экономическое влияние и политическое доминирование, в частности между такими государствами, как США и Китай, дополняется противостоянием «вестернизации» и «истернизации» как ведущих трендов современной глобальной культуры. Аргументы, изложенные в статье, позволяют выдвинуть следующее предположение: Китай, США и другие страны в среднесрочной перспективе займут в мировой политической, экономической и культурной иерархии место, сопоставимое не с уровнем их суверенитета и национальной самобытности, а с масштабом и качеством их участия в глобальном обмене товарами, идеями и культурными смыслами.

Ключевые слова: цифровизация международных отношений, глобализация, новый национализм, американо-китайские отношения, глобальная цифровая цивилизация.

Современное состояние международной системы вызывает у большинства специалистов серьезную обеспокоенность. Чаще всего в негативном контексте обсуждаются такие факторы, как неспособность Соединенных Штатов эффективно выполнять некогда принятые на себя обязательства глобального лидера, претензии Китая на расширение экономического и политического влияния, нацеленность России на пересмотр невыгодных для нее итогов холодной войны.

Общая нестабильность глобального политического и экономического пространства уже поставила под удар судьбу многих интеграционных проектов, воз-

никших в период расцвета международного сотрудничества, в 1980–1990-е годы. Трещит по швам Европейский союз, Соединенные Штаты заявляют о выходе из ранее одобренных международных соглашений, Россия стремится к отказу от принципа верховенства международного права над национальным и т. д.

Все это заставляет некоторых экспертов говорить о завершении или, по крайней мере, о серьезном кризисе глобализации — стремительного и, как казалось, неустойчивого роста взаимозависимости стран и народов, наблюдавшегося во второй половине XX — начале XXI в.

Целью данной статьи является определение специфики современной ситуации в международных отношениях, выяснение того, насколько необратимым следует считать разочарование в глобализации. Для ответа на этот вопрос необходимо охарактеризовать так называемый новый национализм, отметить существенные особенности функционирования зарождающейся «цифровой цивилизации», выдвинуть гипотезы о том, как новая международная среда может повлиять на характер взаимодействия между великими державами. В наших выводах мы будем опираться как на официальные правительственные документы и выступления политических лидеров, так и на анализ феноменов новой цифровой интернет-культуры, существование которых оказывает значительное воздействие на общественное мнение, а через него — и на поведение политических акторов.

По словам президента лондонского центра Independent Strategy Дэвида Роча, глобализационные процессы «повернули вспять» приблизительно в 2013 г., когда во многих странах мира внутренние ресурсы экономического роста стали преобладать над выгодами, получаемыми от международной торговли и инвестиций. Отсутствие уверенности в стабильности международной системы заставило многие правительства обратиться к политике протекционизма, что на практике лишь еще сильнее подорвало мировую торговлю и создало порочный круг, выхода из которого в настоящее время не просматривается [1].

Похожая ситуация складывается и в политической сфере. Идеология национализма, которая, как казалось после двух кровопролитных мировых войн XX в., больше никогда не будет иметь шансов на успех, переживает сейчас настоящий ренессанс. Это особенно хорошо заметно в Европе, которая, по замечанию Роберта Менассе, «снова заболела историей, подцепила вирус национализма» [2].

Вместе с тем, каким бы тревожным ни казалось нам сегодня возрождение национализма в Европе, США и других частях планеты, этот национализм XXI в. все же в корне отличается от своих исторических прототипов. Современный национализм лишен возможности утвердить свое преобладание над оппонентами с помощью традиционной войны. Ядерное оружие и другие новейшие военные технологии сделали цену победы в войне между великими державами слишком высокой. Благодаря этому даже самые ярые сторонники силового решения международных споров вынуждены отказываться от прямых военных столкновений со своими оппонентами в пользу разного рода «гибридных» методов. Конечно, эти «гибридные войны» также способны принести немало бед и страданий (особенно жителям так называемой мировой периферии), но сценарий столкновения великих держав «стенка на стенку», отработанный в XX в., сегодня все же маловероятен.

Еще одна специфическая черта национализма XXI в. — в экономике и политике он проявляется гораздо заметнее, чем в культуре. Если в конце XIX в.

романтические идеи национального возрождения часто занимали ключевое место в политических расчетах, существенно влияли на формирование государственных стратегий, то сегодня борьба за политический суверенитет и экономический протекционизм часто становятся единственными и самоценными проявлениями национализма. Культурный национализм серьезно сдал позиции на фоне бурного развития в XX — начале XXI в. массовой глобальной культуры. Глобальная информационная цивилизация (все чаще именуемая в последнее время цифровой) в форме разнообразных гаджетов, средств коммуникации и развлечений давно преодолела большинство национальных границ (за небольшими экзотическими исключениями вроде Северной Кореи) и превратила классический национализм, базирующийся на идее культурного возрождения и национальной самодостаточности, в нечто совершенно архаичное и неактуальное.

Именно поэтому современные проекты возрождения былого величия наций (в частности, лозунг президента Трампа «Сделаем Америку снова великой» или Брекзит) практически полностью лишены «культурной» составляющей: никто не вспоминает в связи с ними о музыке кантри или Уильяме Шекспире. Национальная музыка и театр выступали в XIX в. важнейшими символами движений за объединение Германии и Италии — сегодня мы не видим ничего похожего.

Современный подъем политического национализма и экономического протекционизма, безусловно, наносит серьезный удар по глобализации, понимаемой в терминах политической интеграции, развития свободной торговли и формирования новых международных институтов. Здесь трудно не согласиться с процитированным выше мнением Дэвида Роча о резком замедлении глобализации или даже ее повороте вспять. Однако культурная глобализация, развивающаяся в последние десятилетия в основном благодаря распространению интернет-технологий, и не думает замедляться или останавливаться. Напротив, в начале 2020-х годов она переживает период бурного роста. Технология 5G, которая в ближайшее время, по-видимому, приобретет широкое распространение, станет очередным рубежом развития информационной революции и откроет перед человечеством новые (хотя не обязательно радужные) перспективы, точно так же как новые средства коммуникации в XIX–XX вв. (от каналов и железных дорог до радио и телевидения) создавали базу для политической консолидации наций (и последовавших за этим разрушительных войн) [3]. Наблюдение за окружающей нас действительностью показывает, что в результате развития цифровых технологий национальная специфика в самых разных сферах размывается все возрастающими темпами. Для решения многих задач, возникающих перед человеком в повседневной жизни, находят эффективные решения в глобальном, а не национальном культурно-технологическом пространстве. Романтика национализма XIX в. сегодня замещается типологически схожей романтикой глобализма, противостоящей теперь уже ретроградной (хотя и сохраняющей статус политического мейнстрима) идее национального суверенитета.

Примечательно, что еще совсем недавно глобализация воспринималась как распространение преимущественно западных ценностей. Синонимом глобализации часто выступала «американизация» международного культурного пространства. Действительно, именно в Соединенных Штатах Америки в XX в. наиболее успешно развивалась массовая культура, американская индустрия развлечений су-

мела в прямом смысле этого слова завоевать мир и оттеснить на обочину многие национальные культурные традиции.

Сегодня утверждение о синонимичности глобализации и американизации уже вряд ли соответствует действительности. В мире появилось множество других, неамериканских и незападных, центров производства культурных смыслов, востребованных в глобальном информационном пространстве. И, что самое важное, эти новые культурные смыслы довольно часто уже напрочь лишены какой бы то ни было «национальной» специфики. Какая разница, например, в какой стране создан сервис по поиску дешевых авиабилетов? Или платформа для распространения видеороликов? Или откуда родом какая-нибудь очередная маркетинговая стратегия вроде «черной пятницы» или «дня холостяка»? Как раз наоборот — для того чтобы быть успешными, большинству подобных сервисов, платформ и стратегий необходимо максимально «очиститься» от всего национального, приобрести черты универсальности, доступности и удобства для всех потребителей, а не только лишь для жителей какой-то одной страны или носителей одного языка.

Следствием этой специфики функционирования современного глобального рынка культурных смыслов стало постепенное размывание нормативности «западного» и «американского» компонентов международных информационных взаимодействий. Например, еще в начале XXI в. большинство новых проектов в Интернете либо создавалось в США или странах Западной Европы, либо было вариантами адаптации западных ноу-хау на национальной почве. Тут достаточно вспомнить, как создавались первые поисковые машины, социальные сети, интернет-магазины, средства обмена сообщениями и т. п. Большинство подобных электронных сервисов, популярных сегодня в России, имеют совершенно определенные американские прототипы: интернет-магазин «Ozon» изначально возник как клон Amazon, социальная сеть «ВКонтакте» до сих пор не может избавиться от внешнего сходства с LinkedIn и т. д. Похожая ситуация складывалась и в других странах.

Однако в какой-то момент развитие информационных технологий по всему миру вышло на новый уровень и тесная связь с американской интернет-средой стала ослабевать. В области распространения культурных феноменов то же самое стало происходить с зависимостью от американской индустрии развлечений. По мере развития структур общества потребления в разных регионах земного шара там стали появляться свои, локальные «империи шоу-бизнеса», отличительной чертой которых является не столько сохранение местной специфики, сколько, с одной стороны, адаптация новейших международных трендов под вкусы местной публики, а с другой — поиск возможностей размещения локальных «культурных продуктов» на необъятном глобальном рынке «международного энтертейнмента». Отличной иллюстрацией этих процессов служит, например, интерактивная карта наиболее популярных музыкальных видеоклипов в различных регионах мира [4]. Ее изучение показывает, что при внешнем сохранении «локальности» в музыкальных пристрастиях общий глобальный тренд четко прослеживается в стиле, подаче, режиссуре, визуальных эффектах и проч., что свидетельствует о явном низведении национального компонента массовой культуры до уровня внешнего и несубстанционального декоративного элемента.

При этом формирование глобальной моды в сфере массовой культуры идет в последнее время по непредсказуемой траектории — США и Западная Европа если

и сохраняют здесь влияние, то совершенно точно не доминируют. Восточная Азия вносит хорошо заметный вклад — вспомним корейский к-рор или японскую мангу. Китаю пока не удалось представить миру что-то сопоставимо значимое в сфере музыкальной массовой культуры, но, например, в сфере культуры потребления китайский AliExpress — это несомненный доминант последнего десятилетия, оставившая позади американский eBay и других международных конкурентов.

Подобная многополярность в области массовой культуры и культуры потребления уже привела и к важному символическому результату: практически полностью исчез печально знаменитый ориентализм, восприятие всего западного как динамичного и прогрессивного, а восточного — как застывшего во времени и архаичного. Не только «восточноазиатские тигры», такие как Япония, Южная Корея и Тайвань, но и Китайская Народная Республика, еще пару десятилетий назад казавшаяся безнадежно отсталой окраиной мира, выступают сегодня мощными источниками инноваций, с которыми все сложнее тягаться американской Кремниевой долине и другим западным центрам. Изделия китайских концернов Xiaomi или Huawei практически не уступают культовой продукции Apple ни в функциях, ни в дизайне. И речь давно уже не идет о простой имитации: китайские инженеры предлагают множество оригинальных и впечатляющих по эффективности решений. С легкой руки Гидеона Рэчмена этот процесс перехвата инициативы в сфере глобализации Китаем и другими странами Восточной Азии стали в последнее время именовать истернизацией в противовес идущей на спад вестернизации [5].

В политическом смысле «плавильный котел» глобальной массовой культуры, несомненно, создает массу преимуществ для Китая и подвергает угрозе международное лидерство США. Запущенная некогда Америкой глобализация символизировала преимущества американской модели развития и сыграла огромную роль в благоприятном для США завершении холодной войны. Однако современная фаза глобализации — сочетание политического и экономического национализма со все ускоряющимся культурным глобализмом — ставит в более выгодное положение те страны, которые находят в себе силы остаться в стороне от вошедшей в моду политической ксенофобии. Китай, сохраняющий в западном понимании статус государства несвободного и политически авторитарного, в культурном смысле начинает порой опережать своих конкурентов, прежде всего США, благодаря последовательной поддержке идеологии глобализма. Возможно, это, помимо прочего, связано и с особенностями китайского мировосприятия, базирующегося на традиционном представлении о Китае как «Поднебесной империи», охватывающей своим влиянием всю ойкумену, все пространство «под небом», населенное людьми. В цифровую эпоху подобный тип политической культуры внезапно оказывается более эффективным по сравнению с внешне также универсалистской демократической идеологией, все чаще воспринимаемой в негативном контексте в качестве субпродукта западного национализма. Пока западные либеральные мыслители размышляют над путями предотвращения отката к национализму в условиях новых глобальных вызовов, Китай предлагает просто двигаться по пути глобализации как ни в чем ни бывало. Естественно, рассчитывая при этом превратиться со временем в одну из ключевых фигур в условном совете директоров мировой политики и экономики.

Настойчивое стремление китайского руководства подхватить падающее знамя глобализации из рук американских и европейских политиков хорошо заметно,

по крайней мере, в последние пять лет. За три дня до инаугурации Трампа, 17 января 2017 г., лидер КНР Си Цзиньпин, выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе, пригласил всех его участников «на борт скоростного поезда китайского развития» и с тех пор многократно использовал в своих речах глобализационную риторику [6]. Это не осталось незамеченным в экспертном и академическом сообществе. Китай начали упрекать в «рейдерском захвате» глобализации, использовании позитивных компонентов ее международного имиджа для пропагандистского обоснования своей неоимперской политики в Юго-Восточной Азии, Африке, Латинской Америке и даже Европе. Было зафиксировано также стремление КНР не просто включиться в работу забуксовавших институтов «американоцентричной» глобализации, но и создать собственную параллельную сеть международных организаций, прежде всего финансового толка, которые в дальнейшем могли бы стать плацдармом для выгодной Пекину корректировки нормативной базы международных отношений. В частности, всего за несколько лет возникли и начали бурно развиваться такие инициированные Китаем структуры, как Новый банк развития (New Development Bank), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank), Фонд Шелкового пути (Silk Road Fund) и многие другие [7].

В последнее время международный имидж Китая серьезно страдает из-за ряда кризисов: в связи с событиями в Синьцзяне (2020), Гонконге (2019–2020), пандемией коронавируса. Многие наблюдатели обращают внимание на пагубное для международной репутации КНР стремление Си Цзиньпина установить в стране режим абсолютной личной власти. Все это, конечно же, ставит под большой вопрос способность Китая выступить в роли нового глобального лидера и координационного центра новой цифровой цивилизации. Кроме того, Соединенные Штаты Америки явно не собираются уступать без боя занятые позиции в международной системе.

Очевидно, что в период администрации Д. Трампа соперничество США и Китая перешло в новую фазу [8]. Если предшественник Трампа, Б. Обама, еще пытался всячески завуалировать конфликт, назревающий между двумя ведущими мировыми экономиками, то в последние годы в Вашингтоне уже открытым текстом и на официальном уровне относят Китай к числу наиболее серьезных угроз национальной безопасности США [9]. В экономических отношениях Пекина и Вашингтона и вовсе разгорелся самый серьезный за всю историю кризис, бескомпромиссная «торговая война», которая окончательно избавила всех от иллюзий о возможности бесконфликтного урегулирования накопившихся между двумя державами противоречий.

Вместе с тем довольно часто встречающееся упрощенное понимание американо-китайского конфликта как конфликта двух наций за мировое господство требует, на наш взгляд, серьезных корректировок. Чем бы ни завершилось современное противостояние Вашингтона и Пекина, оно совершенно точно не приведет к восстановлению американоцентричной или созданию новой, китаеццентричной, модели устройства международных отношений. Гарантией невозможности реализации такого сценария выступает та самая «культурная глобализация», о которой говорилось выше.

В предшествующие эпохи государство, занимающее лидирующее положение в политике и экономике, могло в значительной степени определять и важнейшие тенденции культурного развития, формировать набор нормативных ценностей, привлекательных для широкой международной аудитории. Современные же государства, хотя они и пытаются активно отстаивать свою субъектность в рамках «неонационализма», фактически лишены самостоятельности в сфере определения культурных предпочтений не только жителей других стран, но и собственного народа. Импульсы из глобального информационного пространства воздействуют на умы и сердца гораздо интенсивнее и эффективнее национальных правительств. Предпринимаемые для нейтрализации этого шага по «суверенизации Интернета», различные формы сетевой цензуры могут иметь определенный кратковременный эффект, но в средне- и долгосрочной перспективе обречены на провал. Конечно, глобальная информационная среда — это вовсе не саморегулируемая вещь в себе, развивающаяся исключительно в соответствии с внутренней логикой. Ее флуктуации могут быть просчитаны и даже в какой-то степени взяты под контроль. Однако традиционные национальные государства меньше всего подходят на роль субъектов такого контроля. Глобальная интернет-культура часто по своей сути локальна, но ни в коем случае не национальна. Для Соединенных Штатов она стала своеобразным джинном, выпущенным из бутылки. Для Китая же она — все еще американский джинн, которого очень хочется обратно в бутылку загнать (причем бутылку, изготовленную китайскими стеклодувами), но надежных средств для этого нет и, скорее всего, не будет.

При анализе современных тенденций развития системы международных отношений важно учитывать не только традиционные факторы, веками определявшие характер взаимодействия между субъектами мировой политики, но и новый контекст, формирующийся на наших глазах и стремительно деформирующий привычную для многих поколений картину мира. Очередная фаза борьбы за политическое и экономическое влияние, в которой США и Китай представляются главными действующими лицами, кардинально отличается от всех предыдущих схваток за мировое господство. В XXI в. глобальное сетевое культурное пространство, «цифровая цивилизация», начинает обретать экономическую, а в чем-то и политическую субъектность, превращая столкновения государств и наций в нечто гораздо менее субстанциональное, чем столетие тому назад. И хотя всеобщее внимание по-прежнему привлечено к конфликтам между США, Китаем, Ираном, Россией, Северной Кореей, Турцией и другими национальными акторами мировой политики, верховным арбитром этой борьбы все чаще выступает глобальное общественное мнение, коллективный пользователь сети Интернет. В условиях, когда завоевание территорий соседних наций утрачивает прежний смысл, борьба за международную репутацию превращается в важнейший инструмент перераспределения ресурсов, расширения зон влияния, максимизации прибыли, привлечения инвестиций и т. п. Понимание этих новых черт функционирования современной политики, экономики и культуры приходит постепенно, охватывает все более широкие слои глобальных элит, особенно по мере смены политических поколений.

Система распознавания «свой — чужой», которая в настоящее время базируется на принадлежности к тому или иному государству, в новом информационном пространстве неизбежно подвергнется корректировке. Например, носители тради-

ционных ценностей из разных стран могут найти между собой много общего и начать видеть «чужаков» не в представителях других наций, а в лице своих идейных оппонентов-либералов независимо от того, где они живут и каким гражданством обладают. Основным препятствием для этого остается сегодня языковой барьер, но развитие систем искусственного интеллекта может решить данную проблему в самом ближайшем будущем.

Современная волна национализма — это вполне объяснимая реакция на издержки глобализации и информационной революции. Оценивать происходящее как «крах» глобализации явно не стоит, потому что развитие последней объективно задается не политической волей национальных элит, а естественным и неумолимым технологическим прогрессом. Посидев несколько лет в своих суверенных национальных «окопах», американцы и европейцы, бразильцы и китайцы поймут, что гораздо выгоднее пользоваться благами глобализации, а не отвергать их. Уже сейчас можно утверждать, что победитель противостояния между США и Китаем хорошо известен. Это не США и не Китай, а глобальная цифровая цивилизация. Китай, США и другие страны (а точнее говоря, люди, живущие в современных границах этих стран) в среднесрочной перспективе займут в мировой политической, экономической и культурной иерархии место, сопоставимое не с уровнем их суверенитета и национальной самобытности, а с масштабом и качеством их участия в глобальном обмене товарами, идеями и культурными смыслами.

Нетрудно убедиться, что такой взгляд на перспективы международной системы в принципе снимает вопрос о вероятном победителе политического противостояния между США и Китаем. Вместе с объективным (и неизбежным) снижением уровня их политической и культурной субъектности будет снижаться и значимость их борьбы за мировое лидерство. Конечно, это совсем не значит, что США, Китай и другие национальные государства в ближайшей перспективе прекратят свое существование. Однако можно сказать совершенно определенно, что представления об источниках силы и могущества наций будут на протяжении XXI в. серьезнейшим образом скорректированы.

Следование такой логике размышлений позволяет совершенно иначе оценить и современный кризис международной системы, о котором шла речь в начале статьи. Действительно, инстинкт национального самосохранения, на котором пытаются заработать очки политики в разных странах, — это очень мощный фактор, обладающий вместе с тем опасным деструктивным потенциалом. Объективный рост взаимозависимости по мере технологического прогресса может оказаться лишь слабым противоядием и не воспрепятствовать сползанию к новым войнам и конфликтам между национальными государствами. Более того, само новое информационное пространство может превратиться в арену этих войн и конфликтов (и, как мы видим, уже активно превращается [10]). Вместе с тем существование и развитие общей культурной среды, в роли которой выступают сегодня Интернет и глобальный рынок товаров, идей и культурных смыслов, дает надежду на качественное изменение структур массового сознания жителей разных стран. Возможно, в какой-то момент их желание воспользоваться благами новой цифровой цивилизации окажется сильнее инстинктов национальной ксенофобии, а очередному поколению политиков придется принять этот факт и действовать в соответствии с чаяниями избирателей цифровой эпохи.

Литература/References

1. Globalization is waning, and a US-China trade deal won't solve that, strategist says (2019), *CNBC*, April 30. Available at: <https://www.cnbc.com/2019/04/30/david-roche-globalization-waning-no-matter-us-china-trade-deal.html> (accessed: 12.08.2020).
2. Menasse, R. (2019), As Nationalism Rises, Europe Dies, *The New York Times*, October 8. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/10/08/opinion/nationalism-rise-europe.html> (accessed: 12.08.2020).
3. Brake, D. (2018), Economic Competitiveness and National Security Dynamics in the Race for 5G between the United States and China, *TPRC 46: The 46th Research Conference on Communication, Information and Internet Policy*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3142229> (accessed: 12.08.2020).
4. *The Cultural Borders of Songs*. Available at: <https://pudding.cool/2018/01/music-map> (accessed: 12.08.2020).
5. Rachman, G. (2016), *Easternisation: War and Peace in the Asian Century*. London: Bodley Head.
6. Friedberg, A. (2018), Globalisation and Chinese Grand Strategy, *Survival*, vol. 60, iss. 1, pp. 7–40. Available at: <https://iiss.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00396338.2018.1427362> (accessed: 12.08.2020).
7. Areddy, J. (2020), China's Xi Faces New Limits, at Home and Abroad, *The Wall Street Journal*, January 20. Available at: <https://www.wsj.com/articles/chinas-xi-faces-new-limits-at-home-and-abroad-11579474468> (accessed: 12.08.2020).
8. Tsvetkov, I. A. (2019), US–China rivalry as a factor of the contemporary US–Russia Relations, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniia*, vol. 12, iss. 4, pp. 406–421. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.401>. (In Russian)
9. *National Security Strategy of the United States of America*, December 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 12.08.2020).
10. Orinx, K. (2019), A Chinese Fox against an American Hedgehog in Cyberspace? *English Military Review*, September-October. Available at: https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal%3A219034/datastream/PDF_01/view (accessed: 12.08.2020).

Статья поступила в редакцию 15 августа 2020 года

Статья рекомендована к печати 15 сентября 2020 года

Контактная информация:

Цветков Иван Александрович — канд. ист. наук, доц.; 9064175@gmail.com

New nationalism and the struggle for domination in the global digital cultural space

I. A. Tsvetkov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tsvetkov I. A. New nationalism and the struggle for domination in the global digital cultural space. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2020, vol. 13, issue 4, pp. 478–487. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.404> (In Russian)

The article is devoted to one of the paradoxes of the modern system of international relations: the desire of many countries to restore their political and economic sovereignty, combined with the rapid development of digital technologies and the formation of an increasingly homogeneous global cultural space. The phenomenon of “new nationalism” arose in connection with the obvious crisis of globalization led by the United States. At the same time, this “new nationalism” is fundamentally different from the classical models of the 19th and 20th centuries. In particular, clearly visible is its weak connection with the ideas of a national cultural revival and the sphere of culture in general. The digital revolution that humankind is going through today creates favorable conditions for the “restart” of globalization. The locomotive of integration processes in the new conditions is mass culture — in the form of new consumption

technologies and everyday practices. A global digital civilization is gradually taking shape. The struggle for economic influence and political dominance, particularly between states such as the United States and China, is complemented by the opposition of “Westernization” and “Easternization” as the leading trends in contemporary global culture. The arguments presented in the article allow us to make the following assumption: in several decades, China, the United States and other countries will occupy a place in the world political, economic and cultural hierarchy that is comparable not with the level of their sovereignty and national identity, but with the scale and quality of their participation in the global exchange of goods, ideas and cultural meanings.

Keywords: digitalization of international relations, globalization, new nationalism, US-China relations, global digital civilization.

Received: August 15, 2020
Accepted: September 15, 2020

Author's information:

Ivan A. Tsvetkov — PhD in History, Associate Professor; 9064175@gmail.com